

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 2, 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

*РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(К 150-ЛЕТИЮ РЕФОРМАТОРА)*

Роголина Н.Л. Первый этап столыпинской аграрной реформы: институциональный аспект.	3
Кириллов А.К. Воплощение столыпинских реформ в Сибири: отмена круговой поруки.	7
Слепнёв И.Н. Сколько земли фермеру нужно? (К вопросу о предпосылках столыпинской аграрной реформы).	11
Шиловский М.В. Поездка в Сибирь П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина 1910 г.: подведение итогов и определение перспектив осуществления аграрной реформы	15
Запороженко Г.М. Реформы П.А. Столыпина и становление организационных основ кооперативных форм хозяйствования в дореволюционной Сибири	19
Недзелюк Т.Г. Позиция П.А. Столыпина по «католическому вопросу» в Российской империи начала XX в.	23

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО

Ларичев В.Е. «Недостающее звено» – мезолитическое время (к проблеме сохранения информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии) Часть III: Системы счисления времени в культурах мезолита северо-востока Европы	27
Ахметов В.В. Погребальная настенная живопись в Бохае	33
Магочкин Е.П. Петроглифы Нижнего Инегеня в свете мифов и верований алтайских охотников	37
Кубарев Г.В. Орнаментальные мотивы в косторезном искусстве древних тюрок Южной Сибири и Центральной Азии	41

АРХЕОЛОГИЯ

Якупов М.А. Керамика Когурё	45
Болдырева Н.Л., Волков Д.П. История исследования памятников хэйшуй мохэ в Западном Приамурье	49
Кравцова А.С., Табаров А.В. Загадочный регион: археология Центральной Америки в российской историографии	53
Балунов И.В. Обувные подковки г. Тобольска XVII в.	56

ЭТНОГРАФИЯ

Бадмаев А.А. Жилищно-поселенческий комплекс бурят Восточного Приамурья во второй половине XIX – начале XX в.	60
Данилова Н.К. Сакральная архитектура народа Саха: традиции и современность	63
Любимова Г.В. Сибирская природа в зеркале крестьянской мемуаристики (особенности экологического сознания сельского населения Сибири).	67
Варавина Г.Н. Душа в традиционных представлениях народов Севера (на примере эвенов и эвенков).	71
Москвина М.В., Самушкина Е.В. Феномен женского украшения пого в структуре культурно-исторического наследия Республики Хакасии	74
Октябрьская И.В., Сураганова З.К. Гостеприимство в культуре казахов в контексте престижного потребления: Традиции и современность.	78
Ким Е.В. Корейская диаспора и стратегии Республики Кореи по взаимодействию с ней	83

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бурнаков В.А. Журавль в мифологических воззрениях хакасов	87
Люцидарская А.А. Наследники славы сибирских первопроходцев («казачьи дети» XVII в.)	89
Савченко С.Н. О деятельности ликвидационной комиссии Забайкальского казачьего войска в 1920–1921 гг.	92
Орлов Д.С. Подсобные хозяйства предприятий и учреждений Западной Сибири во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг.	96
Чернов Д.В. Рец. на кн. С.С. Букин, А.А. Долголюк, В.И. Исаев, А.И. Тимошенко Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2011. 336 с.	99
Зверев В.А. Рец. на кн. Т.К. Щеглова. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.	100

5. Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в.: историко-этнографическое исследование. Новосибирск, 1986.
6. Васильев В.Е. Саха терут итэгэлэ былыргы сээннэргэ. Дьокуускай, 2005.
7. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.
8. Дьяконова Е.Н. Культурные сооружения на празднике Ысыах // Этнические культуры Сибири. Новосибирск, 1986.
9. Яковлев В.Ф. Ысыах. Туймаада-Эллэй-Юс Хатын. Якутск, 2005.
10. Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.). Якутск, 1996.
11. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск, 1976.
12. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1975.
13. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб, 2008. Т. 1.
14. Серошевский В.Л. Якуты. М., 1993.
15. Строптивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. М., 1985.
16. Яковлев В.Ф. Якутские коновязи // Язык – Миф – Культура народов Сибири. Якутск, 1988.

Статья поступила
в редакцию 26.09.2012 г.

УДК 394.262.5+398.33+398.332.4

Г.В. ЛЮБИМОВА

СИБИРСКАЯ ПРИРОДА В ЗЕРКАЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ (ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ)*

канд. ист. наук
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: terra-gl@mail.ru

Восприятие природного окружения сельским населением Сибири рассматривается сквозь призму мемуарной литературы. Охватывая различные этапы аграрной модернизации, крестьянские воспоминания позволяют проследить процесс смены традиционных представлений о природе как неиссякаемом источнике жизненных благ осознанием проблемы исчерпаемости ее ресурсов.

Ключевые слова: наивная литература, крестьянские воспоминания, аграрная модернизация, экологическое сознание, сельское население Сибири.

«Наивная литература», или тексты, созданные в рамках «неписьменной (по преимуществу) культуры», известна, по крайней мере, с первой половины XIX в. Однако лишь во второй половине XX в. это явление приобрело массовый характер [1]. «Кумулятивный эффект» всеобщего среднего образования, по мнению А.П. Минаевой, привел к появлению огромного количества такого рода воспоминаний, дневников, стихотворений и даже художественной прозы [2, с. 68, 70].

Возникновение самого феномена «наивного письма» явилось следствием глубоких общественных трансформаций. Массовое обретение голоса теми, кого долгое время называли «безмолвным большинством», сопровождалось становлением нового направления – «устной истории», с ее вниманием к рядовому участнику исторического процесса, его жизненному опыту, ощущению времени, а также его оценкам эпохи [3].

Характерным примером «наивной литературы» могут служить рукописные тексты воспоминаний сибирских крестьян. Относительная немногочисленность этих источников обусловлена рядом факторов. В отличие от старообрядческой среды, где уровень грамотности всегда был очень высоким, грамотность основной массы сельского населения стала неоспоримым фактом только в 1920–1930-е гг. Однако лишь небольшая доля мужчин, рожденных в первые десятилетия XX в., достигла преклонного возраста, а именно тогда у человека появляется потребность осмыслить прожитые годы и изложить свои размышления на бумаге.

Социально-психологический портрет каждого из поколений советских крестьян определялся собственным багажом жизненных правил. Поколение, рожденное в период с 1917 г. до начала коллективизации,

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (госконтракт № 14.740.11.0766) и тематического плана НИР Минобрнауки (НИР 1.5.11 и 1.31.11), при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00199

застало традиционный уклад жизни, но уже получило советское воспитание¹. Они пережили раскулачивание, террор, войну и послевоенные трудности. Но главное, считает Н.Н. Козлова, они уже покинули традиционное общество: жизнь в традиционной культуре у них – в прошлом, она «занозой сидит в их подсознании», являясь постоянным предметом размышлений и точкой отсчета. Написанные, как правило, в жанре «биографического нарратива на фоне процессов советской модернизации», произведения «наивной» литературы позволяют оценить «уникальные условия вхождения советского человека в модерн» [4, с. 113–114, 122].

Ярким образцом крестьянской мемуаристики является рукописное сочинение С.И. Курина (1921 г р.), хранящееся в Кольванском районном краеведческом музее Новосибирской обл.² Авторский стиль изложения (с вкраплениями «официальных» оборотов) отличается преобладанием устного дискурса, поэтому может быть обозначен как «разговорный». Рассказчик исподволь вводит читателя в свою жизнь, воссоздавая обстоятельства, побудившие его взяться за перо:

После обеденного отдыха... сел за стол перед окном и любуюсь на природу зимы. Все попряталось под снежным покровом... Когда больше (всего) думается? ...когда нет дел, особенно в одиночку... на пенсии. [Зимний пейзаж неизбежно наводит на размышления об ушедшей жизни]. Поглядываю в окно, и что же, вы думаете, я вижу? Картину детства своего... свой край деревни, где я родился и рос помаленьку в крестьянской семье... Вот передо мной сейчас открытая панорама пустого поля... На этом месте ведь жили люди, и долго жили. Хорошие ведь дома были... А сейчас пустырь... голое место осталось.

Перемены в облике родного села пробуждают в авторе острую потребность передать свои знания о прежней жизни современному читателю:

Ох, как быстро времечко летит! Хоть бы успеть написать историю Сидоровки... а то никто [и] приблизительно не будет знать, откуда [она] взялась. И меня бы, покойного, вспомнили, что оставил память о ней³.

В воспоминаниях автора изложена типичная история сибирского переселенческого села, основанного в конце XIX в. выходцами из центральных губерний России в Кольванском у. Томской губ. на расчищенном от леса участке «лиственной тайги». В тексте подробно представлены обстоятельства возникновения с. Сидоровки; дана характеристика этнокультурных взаимодействий первых поселенцев (русских, мордвы и чувашей); прослежена история данного населенного пункта вплоть до образования колхозов.

Повествование неоднократно прерывается раз-

мышлениями автора о влиянии социальных и политических катаклизмов на развитие крестьянского хозяйства. Описываемый период характеризуется как «тяжелое, мучительное» время, для обозначения которого рассказчик использует такие выражения, как «переворот», «вся эта круговерть» и даже «нечестивая заваруха».

Воспоминания С.И. Курина позволяют проследить трансформацию крестьянской культуры в категориях самой крестьянской культуры, выявить изменения, происходившие в сознании сельских жителей Сибири на разных этапах аграрной модернизации. Одним из индикаторов таких изменений может быть отношение к природному окружению, а также характер природопользования в целом.

Необходимость противостояния суровым условиям, когда крестьянам приходилось «отвоевывать» жизненное пространство у окружающей среды, предопределила чрезвычайную устойчивость свойственных сибирякам представлений о том, что «с природой нужно бороться». Размышляя об отсутствии «бережного» и «жалостного» отношения своих земляков к природе, сузунский краевед П.Ф. Пирожков с горечью констатирует: «Да и как с ней было не бороться, если и без того малопродуктивный труд населения Сибири иной раз сводился к нулю вследствие засухи, вымочки посевов, осенних и весенних заморозков или вредителей».

Вместе с тем представления о необходимости бороться с природой долгое время сочетались с верой в безграничность и неисчерпаемость природных запасов, что в свою очередь порождало бесконтрольное потребление ее богатств.

Зато сама природа, – читаем у П.Ф. Пирожкова, – была настолько буйна и обильна, что не было [как казалось]... этому обилию ни конца и ни края. Лесу руби, сколько надо, и не вырубись, траву коси и не выкосишь, рыбу лови и не выловишь...⁴

Будучи характерной особенностью традиционного мировоззрения в целом, представления о неисчерпаемости природных ресурсов Сибири долгое время определяли специфику крестьянского отношения к природной среде. Местные жители, к примеру, называли Алтай «божьей пазухой» – настолько богат он был дарами природы [6, с. 161, 169].

Природные богатства Сибири были важнейшей притягательной особенностью края в период массовых аграрных миграций, и это находило отражение в письмах крестьян на родину. Фрагмент подобного послания приводит С.И. Курин:

«Кум Николай, – писал оставшимся в России родственникам тамбовский переселенец Ефрем Курин, – бросай свою Тележенку и езжай к нам, в Сидоровку. Жизнь здесь хорошая, дров вволю... Кругом лес березовый да осиновый... Земли свежие для пашни... Мужики урожай хорошие берут, а работы по найму – хоть не отдыхай... Зима хотя и холодная, ... но никто не замерзает, в избах тепло... А какое здесь раздолье летом! Приезжай, сам увидишь... Не бойся,

¹ Адоньева С.Б. Три поколения советских крестьянок: социальное-исторический контекст полевых исследований. URL: <http://www.folk.ru/Research/conf.php?rubr=Research-conf> (дата обращения: 20.03.2011).

² Неоднократная публикация обширных фрагментов воспоминаний С.И. Курина была предпринята В.А. Зверевым (полный список см.: [5]). В настоящей работе при ссылке на данную рукопись указывается нумерация листов, дополнительные тетради обозначаются цифрами I–IV.

³ Воспоминания С.И. Курина. III. Л. 2–3.

⁴ Фонд П.Ф. Пирожкова (1908–1979) // Сузунский районный краеведческий музей Новосибирской обл.

что пропадете с голоду или что звери растерзают... Это нас бары пугали, ... чтобы не покидали их после получения вольной». Далее уже от своего имени автор рукописи добавляет: «Сильно боялись рассейские Сибири, считали проклятым, разбойничьим местом». Опровергая данное мнение, сам он характеризует Сибирь как «райское место», «божий рай» (рис. 1), поясняя свою оценку следующим образом: «Тут тебе и рыбы, сколь хошь, и дичины уйма... и хлеб родится. Скота сколько надо, столь и разводи... Работай, не ленись, все будет». При этом главным достоинством сибирской жизни автор считает отсутствие подневольного труда: «Ни надзору, ни барщины, живи себе на здоровье... Зажили сидоровские мужики на вольных землях... Богатеть стали веселые росейские лапотники»⁵.

Следствием беспрецедентного роста сельского населения Сибири в конце XIX – начале XX в. явилось резкое усиление антропогенного воздействия на природу. С.И. Курин неоднократно возвращается к вопросу о том, какое влияние оказывала деятельность переселенцев на природное окружение:

От стука топоров и людских голосов... нарушилась тишина верх-вьюнковой поймы. Забеспокоился зверь лиственной тайги... Строение Сидоровки оттеснило певуний от (их) гнездышек... А лес-то опять застонал от пил и топоров... стал все дальше отступать на север... за тойское займище⁶.

Немало проникновенных страниц рукописи посвящено описанию сибирской «лиственной тайги» – болотистым местам за Кольванью на р. Вьюнке, поросшим «березовым лесом вперемешку с осиною да тальником с акацией». Особую любовь у автора вызывают птицы, благодаря которым Вьюнское займище характеризуется как «веселое место»:

А вообще-то веселое место было. С ранней весны начинается переключка птиц... Всякая птица по-своему радуется... Как выйдешь в поскотину, дак не наслушаешься всяких птичьих концертов... А как прилетят перелетные, так и не уходил бы с поля...⁷

Описывая родную природу, С.И. Курин в первую очередь обращает внимание на потенциально полезные в хозяйстве ресурсы. Обилие лесных растений обеспечивало деревенскую детвору питанием в летнее время: «летом пропитаться можно дарами лесных растений. Вот уж этим Сидоровка была богата». В ближних колках и перелесках произрастали «ягодные кустарники». Имелись также «наземные ягоды... травяные да и земные съедобные растения... Мы с ребятней с самой весны любили шляться по поскотине. Сперва медунки собирали... за ними саранки, пучки, шкерды... потом ягода всякая нарастет... наедались до отвалу, да и на зиму запасали». В небольших озерах водилась «рыбешка». Росший по берегам мох «шел в построение домов». Ценным сырьем считался тальник, поскольку «таловое корье шло на выделку кож и овчин». Широкие промысловые возможности определялись обилием дичи, которой хватало и людям, и зверям. Даже хищники, уверяет рассказчик, бывали иной раз полезными

в хозяйстве: «вон у соседа Михаила... в стожку в сене уже три года живет волчица... Дак он этот стожок и не трогат, чтоб не обидеть ее, по то, что она стережет его хозяйство от остального зверья». В целом авторское понимание красоты явно совпадает с понятием пользы: «А красотища какая! Лес кругом, топлива хватит, дрова вольные – кизяки не надо делать»⁸. Свойственное народным воззрениям отождествление утилитарной и эстетической ценности распространялось, таким образом, и на восприятие природы. В соответствии с бесхитростной формулой «красиво то, что полезно», «красными» (красивыми) в народе считались те места, которые выглядели удобными для проживания и приложения рук человеческих [7, с. 344–345].

Такой прагматизм определялся преимущественно натуральным характером хозяйства сибирских крестьян. Материалом для постройки жилища, изготовления одежды, обуви, орудий труда и предметов домашнего обихода вплоть до 1930-х гг. (а местами и дольше) оставалось местное природное сырье. По словам старожилов, «вся жизнь была сведельская»⁹ («...носили одежду своего рукоделья», – поясняет С.И. Курин). Мало на ком можно было увидеть рубашку или штаны «фабричного изготовления». «Все было самими выращено, обработано... спрядено... да выткано на ручных станах. Особенно (теми), которых душила беднота». Так, «самой роскошной обувью» у переселенцев считались «новенькие, фигуристо сплетенные лапоточки... из талового лыку», в которых ходили круглый год, меняя по сезону только портянки.

И все же, подводя итог двадцатилетнему развитию с. Сидоровки, автор констатирует, что в селе появились богатые крестьяне, имевшие «большие площади пахотной и покосной земли». Были и «купчишки», державшие лавочки и закупувавшие «сельхозинвентарь на конной тяге». Имелась даже «дивовинная машина... единственная на все село сноповязалка».

Поступательное развитие переселенческого села в начале XX в. неоднократно прерывалось войнами, революциями и прочими бедствиями, в результате которых многие крестьянские хозяйства разорались:

С начала [германской] войны срезалось развитие многих хозяйств... [а] тут революция следом... С гражданской [еще] больше горя пришло... Вот тут-то Сидоровка почти совсем обнищала.

Отмечая, что «торможение в развитии» наблюдалось «в годы германской войны да революционного перемена царской власти на советскую», автор связывает период относительного благополучия (когда снова «воспрянули духом мужики») с «народно-экономической политикой» и продляет его до начала 1930-х гг.¹⁰

Новая индустриальная цивилизация, по свидетельству Н.Н. Козловой, надвигалась на деревню через постоянные экспроприации и внешнее привнесение технических средств. Оказывая модернизирующее

⁸ Там же. Л. 14, 63, 234–235.

⁹ ПМА, 1982 г.: А.Ф. Жихарева, 1918 г.р., с. Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края.

¹⁰ Воспоминания С.И. Курина. III, IV. Л. 31–32, 70, 84–89, 142–146, 180, 200, 223.

⁵ Воспоминания С.И. Курина. IV. Л. 8, 11, 14, 22–23, 64, 82, 94–95, 120.

⁶ Там же. Л. 25–26, 33, 56, 75.

⁷ Там же. Л. 11, 25–26, 236–237.

воздействие на сельское население, новая техника зачастую воспринималась в «квазимагических категориях» [4, с. 116]. Огромное впечатление от первого в Сидоровке трактора передано С.И. Куриным через традиционное для таких случаев сравнение техники с нечистой силой. Всех ребятишек, прокатившихся на «самоходных чудовищах», матери, по словам автора, решили вести в церковь к попу – «служить молебен и кропить святой водой», чтобы из них вышла вся нечисть¹¹. Что касается экспроприаций, то основная тяжесть «твердых планов сдачи хлеба» легла на зажиточных крестьян. Многих из них «признавали кулаками с лишением гражданских прав и ссылкой в таежные необжитые места». Типичной крестьянской реакцией на небывалые притеснения было «разбазаривание» имущества: «Некоторые мужики быстро поняли политику сельского совета... (и) пораспродали лошадей в городе, оставив по одной лошади на двор». Были и такие, кто «под нажимом непосильных налогов... по-оставляли свои дома» с постройками, взамен получили «справки на право перемены [места] жительства». Вот и «осталась Сидоровка как щипаная курица», – заключает автор¹².

Главной причиной нежелания вступать в колхозы рассказчик называет царившую в них бесхозяйственность:

Хозяев поразорили, а доброго ничего не сделали... Сколько там гинуло кулацких построек! Только в дело мало что пускали, а больше все на дрова шло.

Особенно резких оценок автора удостаиваются способы содержания скота: «Гольтьба, вступившая в колхоз... к общему имуществу относилась по-варварски», за год «поперекалечили» почти всех лошадей¹³. Другой темой воспоминаний о коллективизации, стала тема голода:

«Пощипали [мужиков]... большими налогами, да хлебом здорово обидели... Если кто [зерна] не припрятал... голодом оставался всей семьей. Ходили колосья собирали... тут и лебеда пошла в хлеб, и разные травы... Было дело, раскапывали в полях хомячьи норы... Хомяк, – сообщает в авторском отступлении С.И. Курин, – он запасливый зверек... [у него] под землей хранилища зерна [устроены]. Взрослые и ребятня... раскапывали хомячьи склады и доставали по три ведра чистого зерна, больше всего пшеницы»¹⁴.

Таким образом, 1930-е гг. стали тем рубежом, когда произошло окончательное отторжение крестьянина от земли, утрата крестьянской психологии и инициативы. Представления о крестьянской земельной собственности заменил «принцип работы на ничейной земле».

Экологический потенциал единоличного хозяйства, по оценке Т.К. Щегловой, определялся его высокой адаптированностью к природно-климатическим и ландшафтным условиям конкретной местности – будь то степные или таежные участки, ложки или согры,

низины или возвышенности. Крестьяне хорошо знали потенциальные возможности того или иного участка и поэтому могли определить оптимальные сроки посева и уборки урожая, состав культур и способы содержания скота. Переход к ведению хозяйства «по команде сверху», а также распространение колхозно-совхозной практики массовых пахот и посевов одинаковых культур на больших площадях привели к потере крестьянских производственно-экологических традиций [3, с. 81–82, 84, 113, 470]. Идеалом сельскохозяйственного ландшафта на долгое время стало огромное поле «без единого холмика, кустарника или деревца». Такой ландшафт, удобный для быстрого механизированного ухода за посевами, как выяснилось в дальнейшем, разрушал плодородие почвы, и поддержание монокультурных агроэкосистем становилось возможным лишь при условии массивной химизации [8].

В массовом экологическом сознании сельского населения именно «химия» стала одной из причин заметного сокращения видового разнообразия растительного и животного мира. «Какая же красотища была в поскотине! А пенье птиц как интересно бывало слушать! – вспоминает С.И. Курин, – не то, что сейчас – никакой птички не услышишь. Это все подействовало отравление химикатов»¹⁵. Удивительные параллели приведенным воззрениям находим в сочинениях современных писателей-старообрядцев. Так, в произведении енисейского крестьянского писателя А.Г. Мурачева, озаглавленном «Наука и техника природе убийца» (1983), говорится, что именно «химия» послужила причиной, по которой «изгинули» или «совсем ушли к отмиранию десятки пород», заботливо сохраненных Ноем («от гибели потопа»). В силу ярко выраженного эсхатологического характера старообрядческого мировоззрения наблюдаемые сегодня явления (когда «лес сохнет, трава блекнет... скалы и камни дряхлеют, моря и реки мелеют» и т.п.) расцениваются автором как неопровержимые признаки наступления «последних времен» [9, с. 398–399].

В прежние времена, пишет в этой связи Н.Н. Моисеев, «процессы взаимной адаптации общества и природы шли веками», поэтому «они могли становиться заметными лишь на интервале жизни многих поколений». В настоящее время ситуация стала качественно иной: «антропогенные изменения окружающей среды уже при жизни одного поколения существенно меняют условия жизни людей» [10, с. 341–342]. Являясь ценным источником для изучения экологического крестьянского сознания, такие воспоминания помогают проследить динамику отношения сельского населения к природной среде в контексте неизбежных процессов аграрной модернизации, а также социальных и политических катаклизмов XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001.
2. Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. 2003. № 2. С. 68–74.
3. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в.: устная история. Барнаул, 2008.

¹¹ Там же. Л. 323–329.

¹² Там же. Л. 288, 321, 344.

¹³ Там же. Л. 328–329, 342–343, 353.

¹⁴ Там же. Л. 274–275.

¹⁵ Воспоминания С.И. Курина. Л. 235–236.

4. Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112–123.

5. Зверев В.А. «Жить, чтобы люди завидовали»: социокультурная история переселенческой деревни в семейном предании Куриных // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XX вв. Новосибирск, 2011. Вып. 6. С. 153–178.

6. Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири, XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991.

7. Никитин Н.И. Традиционная практика природопользования и экологические аспекты народной культуры // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 335–355.

8. Пестициды в экосистемах: проблемы и перспективы. Новосибирск, 1994.

9. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 2005.

10. Мусеев Н.Н. Современный рационализм. М., 1995.

Статья поступила
в редакцию 10.02.2012 г.

УДК: 39: 008 (571.65)

Г.Н. ВАРАВИНА

ДУША В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНОВ И ЭВЕНКОВ)

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИ и ПМНС СО РАН)
Республика Саха (Якутия), г. Якутск
varavina1982@mail.ru

В статье рассматриваются традиционные представления тунгусоязычных этносов – эвенов и эвенков – о душе и связанная с ними ритуальная практика. Привлекаются этнографические и фольклорные материалы. Раскрывается синтетический характер традиционных воззрений народов тунгусо-маньчжурской общности.

Ключевые слова: духовная культура народов Севера, тунгусоязычные этносы, традиционное мировоззрение, представления о душе.

Представления о жизни человека от рождения до смерти, а также о последующем «существовании» его души играли важную роль в культуре народов Севера, в том числе в культуре тунгусоязычных эвенов и эвенков.

Эвенки полагали, что каждый человек обладал несколькими душами, среди которых были его двойники и двойники отдельных частей его тела. Одной из душ-двойников была «душа-тень». Эвенки называли ее *ханян* или *ханякан* (*кан* – уменьш. суффикс). В эвенском языке душу обозначали словами: *хинян* («тень», «призрак») и *ханин* («дым») [1, с. 113].

Фольклорный материал свидетельствует о том, что тень представлялась одним из воплощений души человека, например в эвенском эпосе «Чипитор»: «Ачурмилан убил богатыря Наадини. Вытирая пот, стал говорить: Гэрэлэнь, теперь/ Гэрэлэнь, тень/ Гэрэлэнь, этого/ Гэрэлэнь, Наадини/ Гэрэлэнь, надо связать, Гэрэлэнь!» [2, с. 115]. Из этого примера видно, что герой, убив противника, собирался связать его «тень», чтобы считать его убитым, а себя – победителем.

У эвенков «душа-тень» мыслилась находящейся внутри человека до тех пор, пока тот был жив, или поблизости от его тела – в виде тени, отражения. Поэтому слова «душа», «тень», «отражение» в эвенкийском языке являются синонимами [3, с. 57].

Поскольку тень считалась частью человека, на нее не разрешалось наступать. В понятие *ханян* входило отражение как в воде, так и в зеркале, поэтому дарить или передавать зеркала запрещалось. Имевшие зеркала прежде их прятали. Позже, когда появились фотографии, эвенки перенесли и на них свои представления о *ханян*. Появился запрет на фотографирование [4, с. 224].

Типологически эвенское *хинян* («тень», «призрак») и эвенкийское *ханян* («душа-тень») можно соотнести с понятием *сызанка* – «тень-образ» у нганасан. По материалам Г.Н. Грачевой, у нганасан: «Образ (тень), пока она с человеком, не принимает никакого активного участия в его деятельности. Но она может появиться в представлении любого человека независимо от воли «владельца», что, по-видимому, и дает повод считать ее «свободной душой». Вред легче всего нанести именно через тень, т.е. через образ, отражение. Однако, если она совсем покидает «хозяина», человек умирает» [5, с. 73–74].

Представления о «свободной душе» также входили в понятия *хинян* («тень», «призрак») и *ханян* («душа-тень») у эвенов и эвенков. У этих народов считалось, что душа человека находится в его сердце, но большей частью пребывает вне его, лишь только сопутствуя ему, как тень [6, с. 89].